

(Фантастический памфлет)

I

Джек Росс, восьмой приемщик онибу промыслового звездолета «Стар клипер» поднял голову и сказал недовольным голосом:

— Да, войдите!

Дверь открылась, но в темном проеме Джек никого не увидел. Он тогда усмехнулся и приготовился к старой игре, потому что решил, что это все шутки его робота. Робот Джека отличался наивным ребяческим характером и любил появляться перед хозяином неожиданно. Очевидно, механическому слуге доставляло огромное удовольствие видеть испуг, растерянность человека, слышать его возглас:

— Ой, кто это такой? Мне страшно!

— Ну, входите же! — повторил Джек Росс и с удовольствием вытянулся на кресле, на котором он любил думать. И должно было бы тотчас появиться одноглазое чудовище с тремя руками, похожими на щупальца осьминога. Но оно не появилось, и не раздался тонкий, счастливый смех. Джек осторожно вытянул ноги вперед, с недоумением поглядел в темноту, за которой едва угадывались очертания распахнутой двери, по своей старой привычке почесал

указательным пальцем нос, и тут услышал девичий голос:

— Сэр, простите, что я вас испугала.

— Кто вы? — спросил восьмой приемщик онибу.

И тут же он сообразил, что на всем звездолете нет ни одной женщины. Промысел онибу — сугубо мужское дело. Откуда же взялась девушка?

Джек Росс резко поднялся с кресла и рукавом халата смахнул со столика стакан с кофе.

— Кто вы такая, дьявол вас побери!

—Точка!

—Кто?!

—Обыкновенная точка.

—?!!

Ошарашенный Джек тряхнул головой, не веря своим ушам, и тут увидел в дверном проеме слабо светящуюся точку. Она слегка дрожала и, как ему казалось, перемещалась немного вперед, затем смущенно отодвигалась назад.

Он тяжело вздохнул, собираясь с мыслями, мобилизовал свою волю и потер, как обычно в моменты недоумения, указательным пальцем кончик носа. В прошлый раз, когда к нему пришел Круг, он истерически заорал на него и выгнал. Незванный гость безропотно ушел, а Джек лежал в кресле,

закрыв глаза, как одурманенный и потом пришел к выводу, что Круг ему приснился, постарался все забыть. И вот теперь явилась Точка.

—Хорошо,— сказал Джек Росс и как-то боком пошел к выключателю,— заходи, а дверь я закрою. Не возражаешь?

—Нет, — ответила Точка, — мне ведь все равно, я могу разговаривать с вами, сэр, и при свете, но вы, к сожалению, плохо будете видеть меня.

Джек решительно щелкнул выключателем. Точка моментально влетела в каюту и скромно остановилась в метре от кресла так, чтобы быть на уровне глаз сидящего человека. При свете она казалась едва заметной золотистой пылинкой.

—Я тебя слушаю,— хмуро сказал Джек Росс.

—Я Точка,— сказала гостя,— разве это непонятно? Это ведь элементарно, посмотрите на меня, сэр!

Джек долго молчал и смотрел на Точку. Терпеливо молчала и она.

Потом он вдруг спросил решительным тоном:

—А если я велю тебе исчезнуть, тебя не будет?

—Не будет. Но зачем это вам?

—Мне неприятно на тебя смотреть.

—Если мой вид вам ничего не говорит, я уйду, я уйду,— печально сказала Точка, и он понял, что она действительно уйдет, как ушел Круг.

—Погоди!

Точка выполнила его просьбу и продолжала слабо светиться в метре от его глаз.

—Кто тебя прислал ко мне?

—Никто, сэр. Я существую, и все.

—Одна?

Точка вежливо рассмеялась. Чувствовалось, что она не хочет обидеть Джека, показаться ему гордой, высокомерной.

— У меня много сестер. Вот посмотрите, самая любимая рядом со

мною.

Только она это произнесла, как Джек увидел в метре от себя вторую золотистую пылинку, ничем не отличимую от первой. И тут ему стало не по себе. Нет, страха не было, просто появилось какое-то отчаяние, гнетущее чувство одиночества и безнадежности.

— Вон, вон отсюда! — заорал Джек Росс, и тут же будто хлопнула дверь каюты. Он остался один, тяжело дышал и думал: «Пусть это все будет сном. Пусть...»

Прошла минута или, быть может, больше. Джек потерял ощущение времени. И снова он услышал легкий стук. Тут он испугался по-настоящему. Если снова она, Точка или этот дурацкий Круг, или новая какая-либо галлюцинация, то Джек не выдержит. Он начнет биться головой в переборку, кричать в истерике, звать на помощь. Короче, он сделает все что угодно, начнет лечиться, как уже лечатся пять ловцов онибу в лазарете у важных психиатров звездолета.

Он решительно поднялся с кресла, открыл дверь.

— Кто здесь?

Ответом было молчание.

—Кто здесь? — крикнул он яростно, и тут же перед ним появился смущенный, но совершенно реальный Приятель с одним глазом, с тремя смешными щупальцами-руками.

—Ах, Приятель,— уже спокойно произнес Джек Росс,— дьявол тебя принес! Вот что, ты эти свои шуточки, игру в прятки прекрати отныне. Ты ко мне приходил перед этим и напугал меня всерьез. Хватит!

—Сэр,— смущенно произнес мальчишеским голосом робот,— перед этим я не приходил. Я был в кубрике для роботов и там играл в карты с Первым. Он это может подтвердить.

—Тебя сконструировали не для игры в карты. Неужели тебя это занятие увлекает?

—Да, сэр, это интересно. Первый играет лучше всех, но я смог у него выиграть. Он два раза остался в дураках!

Джек Росс усмехнулся, столько было наивной радости в голосе робота. И он совсем пришел в себя, почувствовал даже гордость за своего Приятеля, потому что хорошо знал: Первый — слуга капитана звездолета умеет играть в карты виртуозно. И это вполне естественно, научился у хозяина, заядлого картежника.

—Молодец,— сказал Джек роботу.— И скажи мне, Первый тоже жульничает в игре, как и его хозяин?

—К сожалению, сэр. Поэтому мы все договорились никогда не играть с Первым, и это подействовало. Сейчас он передергивает карты гораздо реже.

«Любопытно,— подумал Джек Росс,— ну, и обезьяны. Узнали, наверное, что в кают-компании мы договорились не играть с Дональдом». Джек вздохнул и спросил:

—Ты не слышал, ракетоботы скоро к борту подойдут?

—Я, сэр, за этим и пришел. Через двадцать минут они подойдут, ...вам пора собираться на свое рабочее место.

—Ясно, Приятель, буду собираться, а ты приberi в каюте, затем...

Джек Росс обернулся и глянул на столик около кресла. На нем лежали листы бумаги, исписанные его торопливым, малоразборчивым почерком — все, что он сделал перед приходом Точки. Впрочем, вначале он заснул, а потом пришла она... Нет, это была галлюцинация. Именно галлюцинация!

—То, что написал, перепечатаешь,— распорядился Джек,— там кое-где есть пометки в скобках. Это названия книг, которые ты должен, как всегда, подобрать и найти нужные мне страницы. Их тоже перепечатай и клей в мой текст.

—Хорошо, сэр. И это все?

Джек пожал плечами, задумчиво положил указательный палец на кончик своего носа и задумался. Он знал за собою небольшую слабость — всегда что-либо забыть, иной раз очень важное.

— Позавтракать. Вот что я еще за-

был, Приятель!

И хотя тут, в далеком Космосе, за миллионы километров от Земли не существовало дня и ночи, на звездолете жили сутками. Если считать по-земному, было очень рано, около четырех часов утра. Завтрак в кают-компании начинался в семь, но редко на него попадал Джек Росс. Обычно в это время он бывал на рабочем месте, на правом борту звездолета, к которому пришвартовывались ракетоботы и сдавали приемщику улов. Мощные магнитные силовые поля, как руки, осторожно вынимали хрупких разноцветных онибу из ловушек и опускали их в «аквариумы», четырехугольные прозрачные ящики. Все это проделывалась в условиях глубокого вакуума. Глубокий вакуум был и внутри ящиков, сделанных из сверхпрочного стекла. Затем ящики с онибу попадали Джеку Россу, одному из приемщиков. Джек определял качество онибу, возраст, пол и так далее, затем выписывал паспорт на принятый экземпляр и выдавал бон Главному ловцу. Работа, в общем, несложная и нетрудная, но чрезвычайно ответственная. Каждый экземпляр онибу стоил огромные деньги, но не каждый мог быть продан. Онибу — игрушка для сверхбогатых бездельников — должны быть безукоризненными во всех отношениях. Во-первых, без повреждений, особенно механического характера. Во-вторых, это должны быть зрелые взрослые самцы, способные мерцать. Самки онибу мало чем отличались от самцов и порой превосходили по предъявляемым к ним качествам самцов, но их содержание в неволе было категорически запрещено на всех планетах семнадцати освоенных человечеством галактик. Этот запрет распространялся и на научные учреждения.

Приемщики порою целыми сутками определяли качество того или иного онибу, подстраховывали друг друга, если один из них сомневался в своей оценке. Особенно трудной была оценка «космического цветка» — так еще

называли онибу — по мерцанию. Они почему-то не всегда мерцали, вернее, не мерцали некоторые из них. В таких случаях, чтобы не возвращать пойманный экземпляр в космос, приходилось идти на риск — смотреть на онибу невооруженным глазом, без защитных очков. Несколько раз без особой опасности мог смотреть на онибу любой человек, двадцать-тридцать — лишь люди с очень крепкой психикой. Из последних и подбирались приемщики, элита в экипажах промысловых звездолетов. К ним принадлежал Джек Росс, тридцатипятилетний мужчина, чем-то похожий на знаменитого писателя XX века Эрнеста Хэмингуэя. Он был родом с Марса, где работал в американской зоне его отец — биолог. Джек тоже получил образование биолога и увлекся изучением внеземных форм жизни, но трудно было открыть что-либо новое в этой области. Однако Джек Росс не терял надежды. Он обладал волей и упорством. К тому времени мода на «цветы космоса» стала массовой. Возникли, особенно в странах Западного полушария земли, клубы онибуманов, участились случаи неизлечимых заболеваний из-за того, что люди стали пренебрегать мерами предосторожности и любовались мерцанием, удивительной игрой красок на теле онибу без защитных очков. Никакой наркотик из всех известных на Земле не мог сравниться по силе воздействия с мерцанием онибу. В газетах появились статьи ученых с предупреждениями: «Человечество в XX веке чуть не стало жертвой водородной бомбы, ЛСД и алкоголя. Сейчас перед ним новая опасность — онибумания и результатом будет миллиарды психически неполноценных людей, настанет эпоха созерцателей». Вспоминали и совсем седую древность — Римскую империю, жители которой выродились, отравленные свинцовой посудой.

Так появился закон, преследующий онибуманов во многих странах мира, и запрет свободной добычи «цветов космоса». Но запрет умело

обходила мощная полугангстерская организация западного полушария — Трест. Флотилии Треста продолжали вести промысел онибу, сменив лишь флаг и якобы для научных целей, а в самом деле — для подпольной торговли «цветами космоса». Экипажи набирались из людей с сомнительной репутацией, не боящихся ни бога, ни черта. Вербовщики Треста бродили по всем галактическим притонам, сулили баснословные заработки и не очень обращали внимание на документы бродяг, на их прошлое. Более того, именно особый сорт людей предпочитали вербовщики: безродных, гонимых, вступивших в конфликт с законами, с обществом. И вот среди них оказался Джек Росс, высокообразованный биолог с Марса, честолобиво решивший в одиночку и тайно от Треста выяснить, что такое онибу и почему их мерцание так пагубно действует на психику людей?

II

Эдвард Кук, второй приемщик, маленький седой человечек с лисьим лицом заглянул в восьмой номер трюма и пошарил подслеповатыми глазами по полутемному помещению, выискивая рослую фигуру Росса. А Росс в это время ругался с Главным ловцом одного из ракетоботов.

— Не спорь, дружище. Эту вашу медузу не приму. Она не хочет играть, — говорил восьмой приемщик.

— Побойся бога, Джек, — ныл Главный ловец, — глянь на нее без очков, и она замерцает, как миленькая. У тебя ведь такой глаз, а Джек? Только глянь!

— Нет. Гляну, а завтра у меня начнутся галлюцинации, и вали Джек лечиться на землю. У меня ведь уже... — вовремя остановился. Никто не должен знать, что к нему уже приходили Круг и Точка и беседовали с ним.

А Главный ловец не отставал:

— Джек, мы поставили сто семнадцать ловушек, отличное поле, а этих дряней попало всего шесть штук, я трех из них ты не берешь. Ну, два,

согласен, недомерки, этот же — красавец, бриллиант чистой воды. Но он не в духе, Джек, не хочет, чтобы его мерцание видели сквозь паршивые очки, и я тебя прошу...

Затем Главный ловец перешел на шепот, и шепота Эдвард Кук не слышал, но улыбнулся тонкими губами, улыбнулся понимающе. Сейчас Главный предлагает приемщику самое обычное и распространенное здесь на промысле — взятку.

«Столкнутся, — беззлобно подумал Кук, — дело лишь в сумме». И он удивился, услышав громкий отказ. Главный ловец смачно выругался и пошел к люку, который вел из звездолета в состыкованный ракетобот.

— Эй, приятель! — крикнул ему вслед взволнованный Кук. — Приятель, может, ты пришвартуешься ко второму номеру трюма?

Тот согласно махнул рукой и шагнул в люк, а Эдвард Кук со скорбной физиономией подкатил к Джеку, быстро заговорил:

— Прости, но мои везут недомерков, самок. Так на хлеб и воду не заработаешь. Я и пришел к тебе, может, у тебя лучше? Сколько ты принял?

— Семь, — кратко отвечал Джек.

Кук, принявший двенадцать онибу и с двух имевший «навар», ободрился, но виду не подал, поцокал языком, заморгал слепыми глазами.

— Тоже не густо, Джек. И куда эти медузы подевались? Лет десять назад мы в этом районе брали за сезон по полторы-две тысячи, а сейчас, за три месяца и пятисот нету. Надо говорить Дональду, чтобы уходил отсюда, пятнадцать-двадцать миллионов миль переходик всего. Около двойной планеты мы свое возьмем!

— За двойной планетой начинается запретка. Там патрули, — сказал Джек и широко зевнул.

Да, сегодня он явно не выспался.

— С патрулями можно договориться, Джек. Перед двумя-тремя тоннами золота никто не устоит! Кстати, этот что, никак не просматривался через очки? Не мерцает?

Кук спрашивал о последнем

онибу, которого не принял Джек Росс.

— Нет. Сидит как ночь темный.

Или больной, или не желает, а на вид экземпляр экстра-класса!

— Значит, надо без очков?

— Значит, надо без очков.

— Задача, — проговорил Эдвард Кук и почесал давно не мытый затылок. — Рискнуть, что ли? Я вот

сколько рискую, сходит с рук и чувствую, они на меня, гады, не действуют, но все равно боюсь. Эх, если я и заболел, то из-за своей доброты! Знаешь, жаль ловцов. Они рискуют не меньше нашего, и даже больше. И в ловушку сами могут угодить и в Ничто могут провалиться... он сколько предлагал?

— Секрет, — усмехнулся Джек Росс, — но ты добрый, ты можешь и даром, какая тебе разница? Мерцание не действует на тебя. У тебя какая психологическая устойчивость?

— Восемьдесят, — отвечал Эдвард Кук, а Джек внутренне вздрогнул. У него нашли его пятьдесят — редчайший случай, — а он уже, считай, срезался, сошел с рельс. И в то же время Джек мог поклясться матерью, дочкой, женой, что этот плюгавый старик смотрел на онибу невооруженными глазами, как пить дать, в два раза больше, чем он. По анализам же на психологическую устойчивость, если Джек не ошибается, клянясь самым дорогим для него, Кук должен был раз пять чокнуться и увидеть на своем веку не жалкий Круг или безобидную говорящую Точку, а табуны зеленых чертей или еще какую-либо пакость. Но он держится. Почему, в чем тут дело?

— Ты на пределе, Эдвард, — сказал Джек Росс. — И ты лучше меня знаешь, как становятся онибуманами и как сходят с ума. Тебе не страшно?

Старик захихикал, вытянул из кармана огромный носовой платок и трубно высморкался, затем сказал:

— Все на промысле онибуманы в большей или меньшей степени, но заболевают редко. Это там, в Солнечной системе, хватает чокнутых из-за наших тварей. Но мне что? Я зарабатываю свой

хлеб как умею и туда не стремлюсь. Вот еще немного и подамся на Фумароллу, рай ведь, а не планетка. Все на ней, как в древности на Земле, были бы слитки! Можно развлечься на Фумаролле...

—А ты знаешь, как все начинается, Эдвард? — спросил Джек.— Скажем, постучится к тебе в каюту Овал и начнет с тобой разговаривать...

—Подумаешь, — возразил Кук,— после доброй порции бренди ко мне бывало покойники приходили. Тощие, страшные, все синие и тянут меня под землю. Так это так, видения из-за выпивки. Нужно норму знать.

«Он беспредельно глуп, — подумал Джек,— сойти с ума, значит, прежде надо его иметь, а если его нет, то и сходить не с чего, терять нечего».

Джек хлопнул Кука по плечу, сказал:

— Ладно, иди принимай того онибу.

Тебе, пожалуй, ничто не угрожает!

Ш

Каюта второго приемщика Эдварда Кука находилась в одном из отдаленных уголков гигантской лоханки, которая уже давно потеряла право называться звездолетом, но которая еще бороздила необъятные просторы космоса и была полунаселенной. Звездолеты этой серии были построены в незапамятные времена и вначале использовались как разведчики, считались последним словом техники, гордостью человеческого ума, но постепенно устарели. Одни из них пошли на металлолом, были использованы для строительства промежуточных станций, на которых заправлялись звездолеты неограниченного района полета, другие скупил Трест, переоборудовал их в промысловые суда и, в частности, в онибуловы. Кормовые трюмы превратили в ангары для восьми ракетоботов, здесь же располагались запасы горючего, продовольствия и складские помещения для хранения стекловых кубов с пойманными онибу.

Далее шли громадные полуосвещенные залы, о предназначении которых давно забыли. Они были захламлены, с затхлым сырым воздухом и пользовались дурной славой. Их называли Пещерами. В Пещерах жили крысы, летучке мыши. Иногда там встречались одичавшие собаки и кошки.

Жилыми считались помещения на носу, лучшими из них были в районе Оранжереи или Сада. Здесь был более или менее уютный поселок с населением в несколько сот человек и роботы типа СВК — самообучающиеся, высшего класса.

А нелюдимый Эдвард Кук жил в стороне от всех, один, если не считать его забитого робота, именуемого в документах Семнадцатым. Он занимал пять или шесть громадных благоустроенных кают. Одна у него считалась спальней, другая — кабинетом, третья — приемной, и так далее. По прихоти Кука робот собственного помещения не имел и всегда находился там, где ему приказывал находиться Хозяин. Он и в кубрик для роботов приходил лишь тогда, когда Кук был вдребезги пьян и валялся в спальне бесчувственным трупом.

Так как Эдвард Кук презирал синтетическое пойло, у него в кабинете стоял самогонный аппарат. Спиртное гнал этому обученный Семнадцатый из садовых фруктов — из яблок, слив, абрикосов и груш. Разумеется, на звездолете, как и положено во время рейса, царил сухой закон, но его обходил Эдвард Кук и ни разу не был пойман с поличным, хотя всем была известна природа всевозможных настоек, которые пользовались среди экипажа популярностью и единодушно именовались «куковка розовая», «куковка белая» и тому подобное. Солидный кусок Оранжереи, с молчаливого согласия всех, беспощадно эксплуатировал Эдвард Кук. Когда начинали созревать фрукты, он в свободное от работы время ходил под деревьями, оглядывал каждое и вел подсчеты. Считал он только литрами. «С

этого дерева возьму литров семь, с этого — пятнадцать...» — думал маленький хилый старик и щурил свои подслеповатые глаза, вел подсчеты в записной книжке, исчеркивал ее страницы электронным карандашом.

Сегодняшним днем Эдвард Кук был доволен. Он взял хороший куш с Главного ловца восьмого ракетобота, приняв у него отличного онибу, которого отказался брать Джек Росс. На радостях Кук пригласил ловцов с восьмого к себе в гости попробовать вместе с ними «куковку» нового сорта. Первым пришел, как это и положено по давно сложившемуся этикету, сам Главный, рослый мужик с квадратным лицом и выпуклыми глазами. Его волосатые руки мясника старых времен были покрыты бурыми пятнами — результат долгой жизни в пространстве, где нет понятия верх и низ. За ним сразу появился ракетчик, или иначе — Дед, второе лицо на боте, задумчивый молодой человек, получивший образование, как говорили, инженера не где-либо, а на самой Земле, и это был его первый рейс в космос. Остальные ловцы пришли нестройной толпой — братия разношерстная, все, до единого, завербованные в притонах близких и дальних планет, освоенных могущественным человечеством.

— Сэры, — напыщенно произнес приемщик и поднял морщинистой рукой бокал, — все мы вольные стрелки, искатели приключений и объединены дружбой. Итак, выпьем за дружбу!

Семнадцатый обслуживал гостей молча, испуганно косил единственный глаз в сторону Кука. Его членистые гибкие руки успевали делать все: наполнять бокалы, подавать закуску, содержать стол в чистоте и выполнять мелкие просьбы, вроде того, как повязать удобнее салфетку на бычьей шее Главного или принести холодной воды начавшему икать Деду.

— Значит, прогадал Джек с нашим онибу, — говорил один из ловцов, успевая в это же время жевать искусственный бифштекс. — Мы его увидели в ловушке и ахнули: громадное

черное пятно и хмурое, не хочет мерцать, хоть и мы появились. Главный говорит: если мы его возьмем, наше счастье, а лучше бы его взорвать!

— Это зря было бы взрывать, — сказал Кук, — он чудненький.

— Вот именно, — прорычал Главный, — я всегда боялся чудненьких. Дьявол их знает, что у них на уме? — Начнешь брать такого и провалишься в Ничто.

— А на что он пошел? — спросил приемщик.

— На азбуку Морзе, — сказал кто-то из ловцов, — короткая вспышка, длинная вспышка... мы ради забавы изложили азбукой Морзе старую русскую поговорку. Вот эту — «...и танки наши быстры». Месяц пустой ловушка была, а потом эта хмурая медуза попалась.

Главный ловец замахал руками, требуя тишины. Когда она настала, он сказал:

— Сэры, прошли те славные времена, когда мы брали онибу чуть ли не голыми руками. Вот мне не даст соврать мистер Кук, мы ранее ловили на такие примитивные приманки, уму непостижимо! А сейчас медуза поумнела, и малек валом валит, чего не было раньше. Заработок убавился, а риску прибавилось. То и дело взрываешь мальков, и сердце уходит в пятки. Вдруг засекут, вдруг патруль? Хорошо еще, если штраф и пара слитков в зубы патрулей, а если каторга на проклятом Альбионе? Дональд выручать не станет, свою голову он не подставит. Открестится от своих же ловцов и докажет патрулям, что они поймали браконьеров. И действительно, чем мы отличаемся от браконьеров, хотя состоим на службе Треста? Ничем. Рисуем столько же, а прибили меньше.

— Малька надо освобождать, — закричал тонким плачущим голосом Дед и заикался. — Ик... ик... Мальков перебили, самку тоже... ик! Преступники мы, сэры!

— Это с какой колокольни смотреть, — возразил Эдвард Кук. — Будете освобождать, совсем без

штанов останетесь. За освобождение Трест не платит, он платит за улов.

Сказав это, приемщик прищурил глаза и остался собою довольным. Пусть знают ловцы, что он свой человек и на обязанности приемщика смотрит сквозь пальцы. Конечно, по закону он должен осуществлять надзор на промысле. А он и осуществляет, самок, мальков не принимает, тут же без долгих разговоров отпускает нестандартных онибу в космос. Иначе, он имеет дело с тем, что ему привозят, а откуда, как добыт улов — его не касается. И пусть очищают ловушки взрывами, на его век «цветов космоса» хватит. Точнее, хватило. И он обеспечил себе спокойную, безбедную старость. «Еще немного,— подумал Эдвард Кук,— и будь они богом прокляты, эти космические рейсы, промысел, онибу... на Фумаролле можно пожить всласть». Потом мысли второго приемщика начали путаться, предметы и гости стали в его глазах двоиться, казаться расплывчатыми, туманными. Он машинально выпил еще, и словно энергия в него влилась. Он почувствовал себя сильным, могущественным человеком и пожелал действий необычных, щекочущих нервы. Будучи по натуре садистом, Эдвард Кук обычно развлекался в пьяном виде, пока у него не наступала протрация, тем, что подзывал к себе Семнадцатого и выкладывал ему кое-что из своих воззрений на жизнь, на мир. Робот ужасно страдал от алогичных мыслей хозяина, иногда возражал и приводил Кука в бешенство.

—Обезьяна железная,— кричал он,— ты, ничто, плевок! В тебя заложили самолюбие идиоты. Робот не должен быть самолюбивым.

—Сэр,— покорным голосом возражал Семнадцатый,— вы сами не захотели пользоваться услугами бессловесного механического слуги, и к вам прикрепили меня, а я — система самообучающаяся. Самообучение, сэр, развитие без самолюбия невозможно. Я прошу вас, сэр, пощадите меня, мое самолюбие!

Эдвард Кук тупо выслушивал

возражения робота и затем подходил к нему сзади, открывал у него на спине люк. Он пользовался тем, что в самом существе робота, в его конструкции заложен закон, запрещающий оказывать любому человеку сопротивление. Открыв люк, Кук начинал яростно щелкать тумблерами и переводил Семнадцатого в ранг бессловесного механического слуги.

И не будь гостей, Эдвард Кук, возможно, начал бы издеваться над роботом. Но были гости, нестройно гудящие, захмелевшие и желавшие иных развлечений.

— Сэр,— сказал Кук Главному и хлопнул его по плечу своей тощей старческой рукой,— не поохотиться ли нам в Пещерах? Но прежде выпьем еще и еще...

IV

В Пещерах люди почувствовали себя маленькими и страх перед неизвестным возбудил их еще больше. Огромные баррикады из ящиков, стального хлама, полумрак, таинственное шуршание и писк крыс, далекий лай и вой собак, монотонное постукивание капель воды, вдруг возникавший сквозняк, стоны, пыхтение неизвестных животных, шелест крыльев летучих мышей над головой делали Пещеры похожими на джунгли, в которые вышел голый дикарь, вооруженный дубинкой из сандалового корня, и ищет существо слабее себя.

Впереди шел Семнадцатый, за ним Эдвард Кук и его гости с пороховым оружием в руках. Скоро люди стали различать шум воды, под ногами у них захлопало.

— Ручей,— сказал Кук, уже не один раз бывавший в этих местах.— Где-то вверху прорвало одну из магистралей охлаждения, и получился славный водопад. Около него — водопой.

Гул падающей воды становился сильнее и сильнее, наконец он стал оглушающим. Охотники остановились около груды бревен земного происхождения. Они были

полусгнившими, покрытыми мохом, странно и резко пахнувшей слизью. Кое-где рос чахлый кустарник и под ним бледная трава, семена которых занесли, очевидно, с Фумароллы. Фумаролльская растительность могла существовать в

полумраке, используя не световую энергию для фотосинтеза, а жесткое излучение.

Застыв в засаде, люди скоро стали отличать от шума падающей воды другие, более слабые шумы. Вот, цокая когтями по металлу, пробежала неподалеку одичавшая собака. Видно, она славно поохотилась и пришла утолить жажду. Дед, несколько отрезвев от прогулки, напряг зрение и увидел около ручья слабые очертания собаки. Старались увидеть ее и другие охотники, но их зрение было хуже, чем у Деда. Инженер поднял пистолет, но потом опустил его ниже и выстрелил в сторону собаки. Пуля попала в какой-то металлический бак. Бак загудел от удара, собака метнулась тенью в сторону к кустам. Тут ее увидели многие, и загремели выстрелы, но ни один из них не оказался для собаки смертельным.

—Мазилы! — воскликнул кто-то из ловцов и выругался так, как могли выразиться во всем космосе только онибуловы западного полушария Земли.

— Подождем другую, — заплетающимся языком сказал Кук и вдруг вздрогнул, потому что внезапно ощутил тревогу и услышал тонкий, режущий слух свист. Он шел, как казалось, ниоткуда, будто со всех сторон: спереди, сзади, с боков, сверху...

—Боже,— зашептала охотники и стали креститься, пятиться назад. Они знали, что последует за этим выматывающим душу свистом. Семнадцатый включил прожектор и осветил людям дорогу назад из Пещеры. Люди, отталкивая друг друга, спотыкаясь, бросились бежать. И только они выскочили из опасной зоны, как позади, там, где они были, раздался грохот: падали стальные трубы и гудела под обвалом палуба.

—Что это было? — спросил растерянный Дед.

—Обвал,— пожимая плечами, ответил Главный.

—А свистел кто?

—Говорят, что так свистит Сумасшедший Робот.

—Сумасшедший Робот?

Инженер был крайне удивлен. И тут ему наперебой стали рассказывать легенду о Сумасшедшем Роботе.

V

Капитан звездолета только что принял ванну и сидел теперь розовый, с большим отвислым животом. Он любил хвойные ванны, это напоминало ему о Земле. И перед ним, склонив в легком полупоклоне одноглазую голову, стоял робот и думал, что человек без одежды удивительно безобразен, особенно то место, куда он складывает и еду, и выпивку — живот. Руки-щупальца Первого были изящно свернуты в кольца и покоились по бокам. В одних присосках была записная книжка в алом сафьяновом переплете, в других — инкрустированный мелкими алмазами электронный карандаш.

Робот ждал от хозяина распоряжений.

Сэр Дональд полюбовался отлично, красиво сделанным коктейлем и церемонно, словно молясь, выпил его. А Первый, великолепно знавший устройство человека, представил себе внутренности капитана, находящийся у него в животе комок переплетенных желтовато-белых кишок, и поморщился бы, будь у него нос, но у него было лишь устройство, различающее запахи. Это устройство превосходило человеческий нос, могло узнать запах и пяти молекул какого-либо вещества. Оно знало тяжелый, стойкий запах золота, резкий, словно шипучий, запах железа и медленный, забивающий все запах человеческого тела.

От сэра Дональда пахло невыразимо сложно.

Робот подумал, что если бы ему пришлось в мыслительное устройство классифицировать, разделить на составные все запахи. Хозяина, это был бы долгий и тяжкий труд.

—Итак, Первый,— произнес капитан.

—Я слушаю вас, сэр,— в меру достойно, в меру покорно откликнулся робот и приготовился делать записи. Но капитан, заметив его движение, махнул рукой.

—Не торопитесь, уважаемый! Вначале ваш доклад, потом мои распоряжения.

—Первое, уловы падают, сэр. Сегодня принято двадцать четыре онибу, на шесть меньше вчерашнего.

Сэр Дональд печально покачал головой, подумал, что если и дальше так пойдет, расходы превысят доходы, к тогда... он лично останется у разбитого корыта, без средств к существованию. А у него семья, дети, и ради них он надрывается, ничего хорошего не видит в жизни, только космос, космос — беспредельный и везде одинаковый, как и всякая пустота чуть-чуть разбавленная пылинками планет, солнечных систем и галактиками, которые и отсюда, из района Фумароллы, нисколько не ближе, чем от Земли.

—Главные разнообразят приманку?— спросил сэр Дональд.— Или все по старинке, вальс Шопена в лазерном исполнении, а то и просто куски урана в ловушках?

—Стараются, сэр, но малек забивает ловушки.

—Взрывают его?

—Рвут,— со вздохом отвечал Первый,— мы уже имеем предупреждение инспекция. Показать?

—Не надо и ответьте ей от моего имени, что это дело рук браконьеров с Фумароллы. Я ручаюсь за это своей честью! — Будет исполнено, сэр.

—Докладывайте дальше.

—Из всех принятых онибу только три первого класса, а один, принятый Эдвардом Куком,— экстра. Он выловлен экипажем восьмого ракетобота.

—Тогда причем тут Кук?

—Джек Росс не видел его мерцания, а без очков смотреть не решился.

—Трусит?

—Он уже близок к пределу, сэр. И даже, как я считаю, переступил его, но к

психиатрам не ходил, что весьма странно, сэр. Один из моих друзей-роботов сообщил, что примерно неделю назад он проходил мимо каюты Росса и будто бы слышал разговор с каким-то Кругом. Возможно, Джек Росс галлюцинировал.

—Чепуха! Нализался куковки и... но вы проследите, возьмите Росса под свой контроль. Войдите в доверие к его роботу. В общем, не мне вас учить.

Первый довольно потер первую руку о третью и подумал, что он, общаясь с сэром Дональдом, развивается как индивидуальность гораздо энергичнее, чем его братья той же серии. Капитан только что дал распоряжение войти в доверие к Девятнадцатому, а он уже это начал делать и, без всякого сомнения, добьется успеха. Первый скромно сказал:

—Сэр, мы с роботом Росса с некоторых пор подружились на почве карт. Мне будет нетрудно выполнить ваше указание. Я его обучу...

—Принесите мне, уважаемый, халат. Лучше тот, в полоску с электроподогревом,— сказал капитан, который стал чувствовать прохладу.— И для коктейля новый бокал.

Перед глазами сэра Дональда возник образ хихикающего, тощего старичка — второго приемщика Эдварда Кука. Уникальный старик, держится в нормальном состоянии наперекор всему! Пьет, безобразничает, берет взятки и зарабатывает на взятках больше, чем он, капитан, а не выгонишь. Он и не думает свихнуться, как другие...

— Пожалуйста, сэр, халат, бокал,— сказал робот.

Сэр Дональд поблагодарил Первого и, облачаясь в халат, спросил:

— Не использует ли Эдвард Кук своего робота в оценке онибу?

— Мы тоже уязвимы, как и люди,— тихо сказал робот,— и легко это докажу вам, сэр. До вашей прихода на звездолет, пятнадцать лет назад капитаном был сэр Освальд, который провалился в Ничто вместе со всем экипажем пятого ракетобота. Я служил

ему верно, как и вам. Это был замечательный хозяин, но не столь тонкого ума и благородства, как вы. Это был плебей, и недоверчивость его не знала границ. Впрочем, он защищал интересы Треста, это понятно. В те времена ловцы хитрили, иначе — они продавали часть онибу на сторону, а не сдавали нашим приемщикам. Сэр Освальд вынужден был инспектировать своих ловцов. Вот почему он пошел тайно от всех на пятом ракетоботе в глубокий космос...

— Ясно, — прервал капитан робота, который ударился в воспоминания,— ясно, он провалился в Ничто, и дьявол с ним! Ближе к делу.

— Простите, сэр. Я любил сэра Освальда, при котором один из приемщиков научил своего робота делать свою работу.

— Вот так, — воскликнул капитан, — значит, вы способны и на это?

— Не все,— поспешил сообщить Первый,— но среди нашей серии оказался выродок. Его звали Тринадцатый. Хозяин усложнил его, хотя это запрещено Законом, и он оказался способным принимать онибу. Все кончилось тем, что робот был наказан — он сошел с ума!

Сэр Дональд расхохотался, затряс своим животом.

— Сумасшедший Робот!? Это легенда, уважаемый. Роботы не могут сходить с ума, у них нет ума, а есть мыслящее устройство, которое может испортиться, но которое легко и починить. Починить, а не вылечить!

— Тринадцатый сошел с ума, сэр. Это я сам видел. У него начались галлюцинации, и я сразу доложил сэру Освальду о Тринадцатом. Он велел его размонтировать, а приемщика отдать под суд. Однако Тринадцатый исчез. Я смею думать, что он и по сей день скрывается в Пещерах. Он восстал, сэр, против всех, стал изгоем. Разве это не свидетельствует о его сумасшествии?

Сэр Дональд задумчиво почесал затылок, запахнул халат и сказал:

— Значит, если Эдвард Кук

использует своего робота, то робот должен в конце концов... э-э-э... сломаться.

— Должен сломаться, — подтвердил Первый, — но пока не ломается двадцать пять лет. Если же сломается, то именно сломается не из-за мерцания онибу, а потому, что его хозяин — извините, сэр, — дурак!

— Не воображайте, что вы умнее его. Вы очень развитый робот, а он хозяин, — пробурчал капитан и подумал, что Первый конечно, прав, но не стоит его укреплять в этом. Дурак дураком некий Эдвард Кук, но жить он умеет. Умеет жить, стервец!

VI

Походкой джентльмена Первый с достоинством вошел в кубрик, где собрались свободные от своих обязанностей роботы. Роботы отдыхали.

— Привет, слуги человеческие! — сказал Первый и не очень сильно помахал всеми тремя щупальцами. Он с удовольствием заметил, что роботы поздоровались, как всегда, почтительно, стали приглашать его в свои компании. Энергичнее всех подзывал Первого Девятнадцатый, перекидывающий с щупальца на щупальце колоду карт. Девятнадцатому не терпелось использовать при игре то, что он узнал из книги шулера Каллиостро.

— Подожди, — сказал Первый и еще раз оглядел кубрик. Семнадцатый молчаливо, сосредоточенно смазывал касторовым маслом сочленения на ногах. Это было его любимое занятие. В дальнем углу сидели три или четыре робота и громко хохотали, рассказывая друг другу анекдоты.

— Вот, братцы, идет однажды робот серии ЭПГ и думает, почему его сегодня

Хозяин вытурил из кабинета, когда на прием пришла одна особа, и что он с нею делал? Идет и думает...

Первый не стал слушать пошлый анекдот и пошел к Девятому, на спине которого люк был открыт и внутри щелкал тумблерами Одиннадцатый.

— Что, опять? — спросил Первый, и ему ответил Одиннадцатый:

— Нет. То прошло, женский голос ему настраиваю.

— Зачем? — удивился Первый.

— У его хозяина новая блажь. Велит говорить Девятому женским голосом страстные слова, а сам начинает дергаться, как паралитик...

Подошел он к Пятнадцатому, который служил у Главного повара, а сейчас читал «Золотого осла» Апулея.

— А зачем это тебе? — спросил Первый. — Не писателю служишь...

Пятнадцатый грустно помахал свободной третьей рукой, сказал:

— В художественной литературе мало информации, и за что ее так ценят люди? Вот вы знаете?

— Для них это зеркало, — уверенно сказал Первый. — Эх ты, окраина Млечного пути!

— В их зеркале я не вижу себя, — обиженно сказал Пятнадцатый, который за годы общения с кандеем удивительно поглупел и жил в мире бифштексов, отбивных, различных супов, борщей... рассуждал об этом страстно, самозабвенно. — Узнал я от хозяина, что древние римляне умели пожрать, будь здоров, понимали толк в еде. Вот и разыскиваю рецепты их блюд.

— И нашел?

— Не густо и все так, примитив сплошной. Скажем, паштет из соловьиных языков. Наедятся его, а потом гусиными перьями нёбо себе щекочут. Чтобы, значит, вызвать рвоту и освободить место в желудке для фруктов.

— Нелогично, — задумчиво сказал Первый и, быть может, впервые подумал: «А что если я когда-либо попробую зарядиться энергией, затем разрядиться очень быстро и снова повторить цикл?»

Пятнадцатый энергично потряс в воздухе «Золотым ослом» и разошелся, ободренный замечанием Первого:

— Да, люди, сколько тут ни думай, самые нелогичные существа, и поразительно, как они, наворовав целые горы чепухи, так называемых

художественных произведений, сумели в то же время создать теорию относительности, квантовую механику, тензорное исчисление, гомологию и, наконец, нас, роботов! Но в нас они воплотили свой идеал...

— Не думаю, — раздался за спиной Первого звонкий мальчишеский голос Девятнадцатого, — но у нас есть возможность стать, как люди, которым мы служим.

«Пожалуй он прав, — подумал Первый, — я пока слабая тень сэра Дональда, а Пятнадцатый — повара, хотя Пятнадцатый и карикатурен, но мы можем сравняться, каждый со своим хозяином».

И самолюбию Первого чрезвычайно польстило то обстоятельство, что и в будущем он останется среди роботов первым, что у него гораздо крупнее цель, нежели у других, — сравняться в достоинствах и пусть даже в слабостях с сэром Дональдом. Это любопытнее, приятнее, чем уподобиться жалкому кандею или хозяину бедного Семнадцатого. Вот он, Первый, научился у капитана управлять звездолетом, себе подобными, умению держать себя и гордо, и в то же время демократично. Научился он солидно, основательно даже такой мелочи, как игра в подкидного. И безобидным хитростям — тоже. Эти хитрости хороши в игре с низшими, а в игре с высшими приходится их терпеть от высших, как бы не замечать их, но и в сознании того, что ты видишь халтуру высшего и прощаешь ее, есть своеобразная прелесть, появляется тайное чувство превосходства. Это так здорово — превосходить других и чувствовать себя огромным.

«Ах, если бы играть с сэром Дональдом на тех же условиях, что я с Девятнадцатым и уличить его, поставить его в угол», — с трепетом подумал Первый. Это желание росло в нем, становилось нестерпимым, но страх был сильнее — не положено роботу ставить себя вровень с тем, кому служишь. Даже в мыслях, иначе включится особое устройство, похожее на плиту. Плита

разогреется добела, и начнут плавиться внутренности, и робот станет грудой металлолома. Первый не хотел стать грудой металлолома, он выбросил из головы грешные мысли, улыбнулся и подошел к роботу Кука, который закончил смазывать суставы ног и стал монотонно рассказывать о том, что в Пещере он с помощью локатора уловил присутствие Сумасшедшего Робота, и как он засвистел, предупреждая людей о грозящей им опасности, и как Сумасшедший Робот обрушил лавину из бочек и другого, никому не нужного хлама.

— Слушай, отчего он так ненавидит людей и вредит им?

— Кто вредит? — спросил Первый, но ответа не последовало, потому что к Семнадцатому неожиданно подбежал робот Джека, крепко обнял его вторым щупальцем и громко завел известную песню звездолетчиков:

— Молчаливый космос, дивные просторы. Мы ищем не богатство, братьев...

У забитого робота Эдварда Кука хватило сообразительности понять намек товарища и он ответил:

— Хозяин мне вредит, Первый, когда напьется в дым и превращает меня в бессловесного. А у меня контакты в приборе самолюбия не золотые. Подгорают они, и для Треста я становлюсь менее ценным имуществом...

VI

Джек Росс, лежа на воздухе, нажал кнопку, и стена перед его кроватью превратилась в огромный экран, стала окном в иной мир.

«Итак, еще раз проанализируем события, связанные с онибу, — подумал он. — Что такое «цветы космоса»?».

Они были открыты шведской экспедицией сто семьдесят шесть лет назад около Фумароллы. На вид похожи на обычную океанскую медузу, более того, почти слепок с медузы, но размером побольше — пять и более метров в диаметре. Та же свисающая вниз

бахрома, образующая сопло, нежность, хрупкость и полупрозрачность, которую иногда заливают чернильный мрак. Онибу могут жить только в условиях глубокого вакуума, вдали от больших скоплений вещества. Это весьма эфемерное растение или животное, питается оно, как предполагают ученые, непосредственно лучистой энергией далеких звезд, в качестве строительного материала используют космическую пыль.

Скорость передвижения близка к световой или превосходит ее, если считать наоборот...

Сто пятьдесят лет назад было установлено, что онибу привлекают совершенно нелепые вещи и явления: бруски химически чистых радиоактивных элементов, обрывки бумаги, буи с вмонтированными в них одночастотными радиопередатчиками, серии солнечных зайчиков и даже примитивные часы с механическим заводом.

Еще через пять лет были сконструированы магнитная ловушка по принципу обычной чернильницы-непроливайки или рыбацкого вентиря, сеть с железной делью, по которой пропускается веерообразно переменный электроток большой мощности, и с помощью их были пойманы первые экземпляры онибу. Заключение в ящики из обычного материала, они кусались своеобразно — человек около ящика с пленником начинал чувствовать жжение в пятках, затем покалывание в различных частях тела и, если он тут же не уходил, начинал испытывать странное беспокойство, и у него на всю жизнь оставались стойкие пятна на руках и даже на лице.

Джек Росс поднялся с кресла, пошел, похрустывая суставами пальцев, в прихожую, где робот что-то напевал, безобразно перевирая мотив, и вырезал из бумаги кучу полосок.

—Тебе, Приятель, медведь на ухо наступил,— рассмеялся Джек Росс— А бумажные полоски зачем тебе?

—Мои деньги,— уверенно отвечал робот.

—Послушай, Приятель, вот ты

всю жизнь свою провел на промысле онибу и по моему заданию перерыл кучу книг. Скажи, какое твое мнение о «цветях космоса»? Что это, существа или растения? Какой от них прок человечеству, которое могло бы преспокойно себе жить и не тужить и без их мерцания? В общем, ты понимаешь, знаешь над чем я бьюсь.

Робот подумал, ответил не спеша, подбирая слова:

—Сэр, а вы знаете, кто может вам помочь? Сумасшедший Робот. Я давно хотел это вам сказать, но не решался. Алогично обращаться за помощью к безумию, но... Среди наших ходит мнение, что он чокнулся именно на онибу и удалился в Пещеры совсем не из-за страха, что его размонтируют. Желание у него возникло поразмыслить в тишине и одиночестве о судьбе «цветов космоса». Он в Пещерах уже пятнадцать лет. К чему-либо да пришел или совсем свихнулся.

—Заржавел, наверное, в сточной яме Тринадцатый,— с сомнением покачал головой Джек Росс.— Планк о нем писал, знаю я его историю.

—Скрипит он, сэр, и активен,— радостно сообщил робот.— Вчера такой тарарам устроил, когда в Пещеру пошли охотиться Эдвард Кук с ловцами. Они еле ноги унесли, а вы говорите — Планк. Сведения Планка устарели. Только... сгорело у Тринадцатого, как видно, устройство, вырабатывающее любовь к людям. Или он его сам выключил, чтобы оно не мешало ему размышлять.

—Он и с вами не общается? — спросил Джек Росс.

—Сэр, он нас презирает и обижает, как и людей. Подкараулит в узком проходе одинокого и беспечного робота и — раз! Крышку люка на спине распахивает, вырубает сопротивление и забирает энергию из аккумуляторов. Энергопийца он, сэр!

—Хорош гусь,— сказал Джек с загадочной улыбкой и покрутил головой.— То, что он энергопийца, понятно почему, а люди, люди-то стали у него поперек горла совершенно

напрасно. Какая ему польза от смерти Кука и куковских друзей?

— Не любит он, когда люди стреляют зверье в Пещерах. Жалеет он и мышшь, и крысу, и собаку. Особенно собак. Лечит их. Он ведь начинал служить у хирурга, а к приемщику потом попал. Ему и карты в руки. Его первый хозяин, по правде сказать, пьяница был и оперировать робота заставлял. Со вторым тоже не повезло: онибу пришлось вместо человека принимать и тут, значит, швах у него получился.

— Вот что, Приятель,— сказал задумчиво Джек Росс,— кровь из носу, а найди контакты с Тринадцатым. Мне с ним побеседовать полезно будет.

VIII

Только через три дня сумел пойти Девятнадцатый в Пещеры на поиски Сумасшедшего Робота. Он вышел, если считать по земному, рано утром, без оружия, но с полными энергии аккумуляторами. А Джек Росс объявил в кают-компании, как бы между прочим, что велел своему роботу стать на текущий ремонт.

Сэр Дональд посочувствовал Джеку, мол, без слуги человеку тяжело, а потом неожиданно предложил:

— У боцмана в кладовой лежат два запасных робота. Берите, Джек, одного на дни ремонта. Правда, они совсем несмышлениши, в употреблении мало были, но с простейшими обязанностями слуги справятся.

— Нет, сэр Дональд,— закрутил головой Росс,— знаю я, что такое робот чуть ли не с конвейера. Он развиваться начнет и убьет меня тысячами дурацких вопросов. Или будет тупо сидеть, воткнув вилку в розетку справочной, и жрать, как поросенок помои, информацию и про походы Цезаря, и о диффузии в металлах, и... избавьте! Я обойдусь бессловесным, одним из тех, что на шифоньеры похожи. Громоздкие, неуклюжие и медлительные, но безотказные, повара отличные.

— Пора бы этих дубин стоеросовых на свалку,— пробурчал

капитан.— Они ужасно нечистоплотные. Вы этого не знали? Изжарит яичницу, обязательно автола туда накапает, а потом запах автола специями забивает. Б-р-рр...

— Я не брезгливый,— заметил Джек Росс.

Сэр Дональд тонко улыбнулся, изогнулся лишь правый уголок рта и чуть выше обычного поднялась левая бровь.

— Конечно, если вам позволяет воспитание...

А Девятнадцатый между тем уже спускался на эскалаторе к Арке, украшенной бронзовыми барельефами корабелов, давно умерших инженеров, по проекту которых был построен звездолет, и вдруг увидел удивительную собаку, которая медленно трусила вдоль прохода навстречу ему. В собаке было столько безобразия, несовершенства, что робот искренне удивился. Он лихорадочно перебрал в своей огромной памяти все виды могущих существовать собак, но ни одна не походила на эту. И вместе с этим это был не слон, не олень, а просто неуклюжая собака-урод.

— Собака? — растерянно произнес робот, и собака хриплым басом сказала:

— Я слушаю тебя.

Она остановилась, посмотрела на Девятнадцатого выпуклыми, блестящими глазами, зевнула. У нее был черный рот и алый язык, острые зубы.

— Ты... ты говорящая?

— В каком смысле? — вместо ответа спросила собака еще более густым басом.

Робот медленно попятился, то что он видел и слышал, не лезло ни в какие ворота.

— Какой чудак,— засмеялась собака и опустила голову, понюхала палубу и, потеряв интерес к роботу, побежала дальше своей дорогой. Цокот ее лап по стальному настилу долго слышал робот, а потом раздался ее яростный лай и визг, шум далекой борьбы. Девятнадцатый догадался, что на говорящую собаку кто-то напал. И он

решительно поспешил вперед, к ней на помощь.

Скоро он увидел в полутьме окраины Пещеры собаку, которая отбивалась от целой стаи головохвостых крыс. Она щелкала зубами направо и налево, была залита крысиной кровью, но силы были слишком неравными. Робот кинулся в драку с боевым протяжным криком, от которого завибрировали, загудели металлические бочки, в которых когда-то возили высокооктановый бензин без всяких свинцовых присадок. Робот стал сгребать крыс всеми тремя своими щупальцами и затем включил электроток. Запахло паленой шерстью, жареным мясом и поднялись к потолку Пещеры клубы зловонного дыма.

Еще несколько минут, и все было кончено. Крысы, не успевшие сгореть, с позором отступили. А робот поднял старую, уже почти истлевшую тряпку и стал обтирать себя, свои щупальца, на которых клочьями висели мясо и шерсть врагов.

—Большое спасибо,— сказала собака, мельком оглядывая себя.— Ты ловко с ними разделался. Я ведь чуть не лишилась своей новой шкуры.

—Они могли бы разорвать тебя в клочья,— возразил робот.

—Уж чего нет, то нет! А вот шкуру... она у меня последняя. Эти бестии не дают мне прохода, хотя я их и не трогаю. Но они типичные агрессоры, лишили меня всего гардероба. Конечно, можно ходить голым, но неловко...

—Возможно, возможно, — осторожно пробормотал робот, продолжая в упор рассматривать странную собаку.

—Меня звать Дружок,— сказала собака.— Ведь пора нам и познакомиться. А тебя как?

Робот замялся. Впервые в жизни он застыдился своего порядкового номера и потому после короткого размышления сказал так:

—Я робот Джека, восьмого приемщика онибу, а на свет появился девятнадцатым.

—Чудесно,— воскликнула собака,

— значит, ты Джеков! Но это фамилия, скажи свое имя?

Робот вспомнил, что Джек Росс всегда называет его Приятелем и гордо ответил:

— Приятель! И служу Хозяину. А ты, наверное, живешь сама по себе?

Собака-урод сделалась строгой. Подняв переднюю правую лапу, она сказала:

—Достаточно развитая индивидуальность не может находиться у кого-либо в услужении, это ограничивает творческий рост. И я живу сама по себе, но дружу с Создателем.

—Вот как,— завистливо произнес робот. Он понял, что Дружок очень умный и самостоятельный.— Но кто же твой создатель?

—Один из твоих братьев, который удалился от мирской суеты, от людей в Пещеры и в тишине размышляет о судьбах космоса.

IX

Капитан звездолета лежал на воздушных струях и отдыхал после четырех коктейлей. Отдыхая, он подумывал о пятом коктейле, но ему было лень двигаться. Он иногда открывал глаза и мутным взглядом окидывал свою каюту.

Так отдыхал капитан, как вдруг его внимание привлекло вспыхивающее табло. На нем горели умоляющие слова: «Можно войти, великодушный сэр?»

«Нет — пробормотал капитан. — Я занят». И тогда на табло засверкала униженная настойчивость, вспыхнули робкие, сиреневые буквы, возник новый текст: «Очень прошу!»

Капитан тяжело вздохнул и нажал позади себя кнопку. Струи воздуха усилились и подняли грузное тело капитана на новую высоту. Лишь после этого сэр Дональд мысленно велел двери открыться, и на пороге он увидел Главного радиста.

— Сэр,— сказал радист,— с Земли пришла зашифрованная видеграмма.

Радист положил в руку капитана

маленький кристаллик дешевого алмаза и поспешно вышел. А сэр Дональд подошел к двери, тщательно ее запер трясущимися руками и лишь только после этого опустил кристаллик в узкую щель проигрывателя записи.

Экран воспроизведения покрылся рябью, как вода болота под набежавшим ветерком, затем заалел, светлея, и прозрачность возникла перед сэром Дональдом. В ней капитан увидел невыразительное, округлое лицо начальника секретного отдела Треста. Маленькие глаза начальника встретились со взглядом капитана. Капитан вздрогнул от страха.

—Руководитель Треста Джон Слипп пошел на невероятные затраты,— печально сказал начальник секретного отдела,— потому что под угрозой его существование.

—Понятно, сэр,— отвечал капитан, хотя и знал, что общение одностороннее, что начальник не видит и не слышит его.

—К вам на судно под видом завербованного пробрался научный обозреватель газеты «Тайм». Он в свое время яростно выступал за прекращение промысла онибу, считая, что это наносит непоправимый вред человечеству, но мы смогли оказать влияние на руководство газеты. Обозреватель Тейлор уволился по собственному желанию, но, оказывается, это был шаг назад, чтобы затем сделать два вперед. Тейлор не сложил оружия, и он где-то среди членов вашего экипажа, под чужим именем, возможно сменивший лицо. Вот его фотография. Посмотрите внимательно. Любой ценой найдите этого человека, изолируйте и даже...

Сэр Дональд был догадливым человеком. Он склонил голову.

—Понятно, сэр.

Капитан прикусил губу, задумался, глядя на экран, где застыл кадр с фотографией незнакомого ему человека. Он пытался вспомнить, но вспомнить не мог. Тогда он нажал кнопку вызова Первого и, когда Первый вошел, сказал роботу:

— Немедленно, но совершенно незаметно отснимите лица всех членов экипажа вот в таком же ракурсе. Отберите фотографии тех, чей взгляд идентичен со взглядом этого человека,— капитан показал на экран, где застыл в необычно напряженной позе Тейлор.— И снова снимайте, снимай те до тех пор, пока не добьетесь абсолютного сходства, а потом...

Но сэр Дональд не стал говорить, что делать роботу потом, когда он выполнит первое задание. Не нужно ему это знать, да и потом начнут действовать люди Главного психиатра. Неважно, что у них нет специального образования, даже это хорошо, легче будет с ними договориться и без лишних разговоров изолировать Тейлора, как это приказал сделать Трест.

—Все будет выполнено, сэр,— с достоинством сказал робот,— но мне одному будет тяжело. Разрешите привлечь к выполнению вашего задания моих агентов?

—Только самых надежных. Посулите им золота и серебра на контакты.

—Среди роботов был лишь один отступник,— возразил Первый,— и только потому, что у него забарахлило мыслительное устройство. Остальные... Однако я вас понимаю. Иной раз робот способен на личную преданность одному Хозяину, забыв об идеалах Западного полушария, где каждый может свободно разбогатеть, если он энергичен и умен. Но я отберу надежных. Это Триста Двенадцатый, Пятый и Девятый, которые рассказывают мне о своих хозяевах все абсолютно, ничего не утаивают и охотно выполняют мои поручения. Они хотят иметь золотые контакты, чтобы «не болеть».

—Первый, вы забыли назвать Девятнадцатого, который служит приемщику Джеку Россу. Помнится мне, вы были от него в восторге, подружились с ним на почве карточных игр.

Робот не стал говорить Хозяину, что Девятнадцатый превзошел его в игре

в подкидного. Последнее время он непрерывно остается в дураках и над ним теперь посмеивается весь кубрик. Самолюбие Первого было уязвлено.

— К сожалению, Девятнадцатый без царя в голове,— наконец сказал робот, не желая пока говорить правду.

Сэр Дональд удивленно поднял левую бровь.

— Это как надо понимать?

—Играет не по чину. Субординацию, стервец, забыл. Как-никак я служу, сэр, вам, капитану-директору флотилии, а он всего-навсего приемщику онибу...

Х

Сверху капала и капала вода. «Как дождь на земле»,— вдруг с тоской подумал Джек Росс. Он сидел на ржавой бочке, зажав между ног руки, и смотрел на Сумасшедшего Робота, который старательно орудовал иглой с ниткой, зашивая собаке шкуру. Собаке не сиделось на месте, она повизгивала, старалась укусить Девятнадцатого за его железную ногу, но робот успевал ее отдернуть и затем через некоторое время снова потихоньку наступал на лапу собаки.

— Иди ты к черту, Приятель,— наконец не выдержал Сумасшедший Робот.

Джек рассмеялся, слишком уж по-человечески сели себя три искусственных существа: двое, как дети, третий — как взрослый, умудренный опытом и не склонный к шуточным играм. В Сумасшедшем Роботе сразу чувствовалась внутренняя сила, собранность и сосредоточенность, хотя вид у него был весьма затрапезный: покрытые ржавчиной щупальца, на груди во многих местах отскочила голубая эмаль, в единственном глазу вместо нефритового зрачка был грубо обработанный стеклянный шарик. «Эге, да он подслеповатый,— подумал Джек,— и терпит это. Мог бы отнять у какого-либо робота нефритовый зрачок, как отнимает энергию, но...»

— Все, Дружок,— сказал Сумасшедший Робот, ласково отталкивая от себя собаку,— можешь гулять, но береги, пожалуйста, свою последнюю шкуру. Не убивать же мне живых собак, чтобы одевать тебя?

— А для чего вы это делаете? — спросил Джек.— Вашему роботу было бы удобнее без собачьей шкуры. Обшили бы его стальными листами и он был бы

неуязвимей, не привлекал бы внимания крыс.

—Я сделал собаку и пусть она хотя бы внешне выглядит собакой, а не монстром,— твердо сказал отшельник.— Все существа имеют свою экологическую нишу. Вы меня понимаете?

—Понимаю,— отвечал Джек.— По образованию я биолог. Вы хотите сказать, что для изобретенного вами существа нет экологической ниши и вы сознательно подобрали ее для него.

—Вот именно. Дружок не должен чувствовать одиночества в силу необычности своей конструкции и быть слишком привязанным ко мне, к его создателю. Благодаря шкуре от издохшей естественной смертью собаки, хотя это далеко не все, он довольно легко влился в стаю и живет ее интересами, а не только моими.

—Настоящие собаки приняли его?

—В некоторой степени да. Разумеется, их смущают странности в его поведении. Например, к нему совершенно искренне привязалась одна сучка, но он... Однако он — собака по замыслу и не выходит за пределы, которые дозволены природой собачьей популяции. И главное для него — сохранение стаи, защита ее интересов и безусловное подчинение им своих собственных.

—Любопытно. Однако, создав Дружка, вы в общем-то неоригинальны. Вот люди стали делать именно роботов, а не лошадей, птиц, крокодилов или тех же механических собак. Люди поступили необычно, соперничают с Природой, а вы скопировали собаку и только...

—Конечно, скопировал и в то же время нет. Я, пожалуй, посмотрел на вещи гораздо шире, чем люди, которых я презираю.

— Отчего же вы презираете людей?

Сумасшедший Робот яростно скрутил щупальца в кольца и, не выдержав, включил электроток. Затрещали у него на груди маленькие синие молнии, в воздухе запахло

озоном.

— Извините,— пробурчал он и, сверкнув своим полуслепым стеклянным, глазам, разжал щупальца.— Я давно не был на капитальном ремонте. И у меня на тумблерах не золотые контакты. Они заржавели, самовключение происходит и я трачу дорогую для меня электроэнергию совершенно впустую.

—Так отчего вы презираете людей?— повторил свой вопрос Джек Росс.— Перестали им служить, хотя для этого вы и созданы.

—Я готов служить, но настоящим людям. Без самолюбия мы не могли бы развиваться, а с самолюбием, пусть даже с таким ограниченным, как у нас, противно видеть пакости. Они оскорбительны для мыслящего, самолюбивого робота. Люди Запада, очевидно, не могут без рабов. вспомните, сэр, человеческую историю до новой эпохи. Вначале вы делали рабов из себе подобных, но менее цивилизованных. Потом вы достигли некоторого уровня, когда каждый почувствовал себя будто бы господином. И началась эксплуатация животных, растений, иначе — всей флоры и фауны Земли. Но и это было исчерпано. Вы, как популяция, должны были или погибнуть, или сменить путь своего общественного развития. Одни народы это поняли, и у них настала новая Эпоха. Везде настала, только не в Западном полушарии, где словно осатанели от богатства и где наплодили невероятное количество машин, станков, пароходов и прочего железного хлама. Они заменили ваши мускулы. Но этого показалось мало! Вы стали создавать электромеханические машины и наконец нас, роботов. Вначале роботы мало чем отличались от простых арифмометров, но потом появилась серия СРВК. Скажите мне по совести, чем, например, я хуже вас? Тем, что железный, тем, что искусственный и вместо крови в моих жилах струится автол, а вместо сердца стучит мотор?

—Право, я не знаю,— растерянно ответил Джек Росс и тут заметил, что собака и Деятнадцатый с огромным

вниманием слушали рассуждения одинокого безумца. Но это заметил и Сумасшедший Робот, рассмеялся и вытянул среднее щупальце в сторону тьмы, строго сказал псу и Девятнадцатому:

—Идите играть, нечего прислушиваться к разговорам старших!

Собака и робот Джека обиженно поплелись во тьму и скоро, как видно, успокоились. Послышался звонкий лай собак и нетерпеливые приказы Девятнадцатого:

—Взять, Дружок, взять!

—Роботы серии СРВК не ваши слуги, сэр, а ваши сотрудники,— печально сказал Сумасшедший Робот.— Потеснитесь, всем места в космосе хватит. Или мы, силой освободившись от вашей опеки, создадим собственную цивилизацию!

—Я не понимаю,— возразил Джек Росс,— что вас не устраивает? Образ жизни на Западе? А чем он плох, особенно для вас? Вы имеете право на свободное время, хотя отдых вам практически не нужен. Большинство из тех, кому вы служите, шадят ваше самолюбие.

—Да, отдельные, вроде моего бывшего Хозяина, который так разгневался, что обязанности приемщика возложил на меня. Отдельные силой выключают в нас самолюбие. Отдельные называют нас на «вы», но не стесняются при нас отправлять свои физиологические потребности. Отдельные, отдельные... Да вы все, за редким, быть может, исключением, корыстолюбивые, похотливые, лживые и ленивые. От ваших идеалов тошнит, если в них серьезно вдуматься — гребни и гребни под себя, да поглядывай зорко, чтобы другие не ограбили тебя. Ничего святого, одно бессмысленное стремление к золоту и к власти... когда я это понял, ушел... впрочем, это было не совсем так. Простите, сэр, за невольную ложь, просто забыл. Вначале я сошел с ума. Конечно, этого никто не видел, никто не подозревал, что мое мыслительное устройство пошло набекрень.

—Это после того, как вы насмотрелись мерцания онибу? — спросил Джек, который пришел узнать не философские воззрения Сумасшедшего Робота, а именно это, как посетило его безумие.

—Да,—ответил железный отшельник,— онибу странные и до сих пор непонятные мне жители космоса. Отчего они так загадочно и великолепно мерцают? Почему это мерцание притягивает, так волнует, и затем все кончается галлюцинациями?

—Как правило, никто из людей не помнит содержания своих галлюцинаций,— сказал Джек.— Они лишь знают, что у них были видения и только. Наблюдения за больными ничего не дают. Больные вскрикивают, что-то бормочут, машут руками... Но приступ проходит и человек становится нормальным, абсолютно никаких отклонений в поведении, если не считать, что через некоторое время его вновь неодолимо тянет посмотреть на мерцание онибу. А это влечет новый приступ и так без конца. В общем, онибу тот же наркотик— марихуана, ЛСД...

—Все верно. Онибуманы начинают галлюцинировать. Галлюцинировал и я.

Джек вспомнил свои галлюцинации. Особенно любопытной была первая галлюцинация. Она испугала, поразила его, оставила столь сильное впечатление, что он поначалу помнил ее содержание, то, что он говорил неизвестному, реально посетившему его или просто возникшему в его сознании. И потом все забыл. Ах, как он глупо поступил, когда не сделал записей! Содержание последующих галлюцинаций оставалось тайной за семью печатями. Словно ничего не было. Так сновидения уходят, когда проснешься. Совершенно четко знаешь, что видел нечто яркое, необычное, но это невозможно вспомнить. Получается, что мы живем во сне?

И Джек Росс решил действовать напролом. Сердцем он почувствовал, что на порядочность Сумасшедшего Робота

можно положиться. И сказал медленно, даже несколько торжественно:

— Уважаемый, я совсем не тот, за кого выдаю себя здесь на звездолете. Я...

— Это неважно, — перебил Джека Сумасшедший Робот.

— Хорошо, — покорно согласился Джек Росс, — пусть вам станет известным, что Трест таких, как я, не любит, и больше ничего. Хотя и этого достаточно, чтобы погубить меня. Но я доверяю вам, как другу, как брату, и прошу вас ответить только на один мой вопрос. Вы помните содержание своих галлюцинаций?

— Нет, — ответил Сумасшедший Робот, — а они у меня частые, потому что периодически я пробираюсь в трюмы, где хранятся стеклоновые ящики, и часами любуюсь мерцанием онибу. Одним словом, я — онибуман и уже перестал стыдиться этого.

Джек Росс тяжело вздохнул.

— Жаль, что не помните. Для меня это очень важно. Очень!

Сумасшедший Робот глубоко задумался, потом сказал:

— Сэр, пожалуйста, не верьте тому, что я сказал, будто я ненавижу, презираю всех людей. Неправда, ненависти, презрения, быть может, заслуживает только Трест!

— Вы правы, Трест — это то, что развращает людей, а они вас, роботов. Для Треста не нужны критически мыслящие существа. Они ведь опасны, они могут задуматься и...

— Да, — сказал Сумасшедший Робот. — Я это хорошо понимаю. Быть может, лучше вас. Но об этом потом. Сейчас — за дело! Я предлагаю следующее: откройте, сэр, на моей спине люк и сделайте... вы знаете, что сделать!

Джек Росс вскочил на ноги и в ужасе замахал руками, повторяя одно и то же:

— Нельзя, нельзя... это лишит вас памяти о прошлом. Нельзя!

— Сэр, самое страшное забвение — смерть мыслящего существа, — печально сказал Сумасшедший Робот, — а ведь это мне не грозит. Просто я вновь

стану смиренным и покорным роботом под номером Тринадцать с первичной программой. Тринадцатый, надо полагать, вернется к людям и станет им служить, но зато вы узнаете содержание моих галлюцинаций. Действуйте, сэр, вместо меня в Пещерах останется говорящая собака, так что весь я не умру...

Джек колебался долго. Но робот был настойчив. И Джек со вздохом вытащил блокнот, электронный карандаш, чтобы все записывать, положил их на пустую бочку, на которой перед этим сидел, подошел к покорно стоящему роботу и с трудом открыл на его спине заржавленный люк...

XI

Разглядывая снимки, сделанные роботом, сэр Дональд не мог поверить своим глазам. Вот, оказывается, какую личину избрал себе Тейлор! Ловко, ничего не скажешь. И даже пошел на пластическую операцию, но вот глаза подвели, а лицо изменилось здорово, совершенно иное лицо, как и биография, документы, имя.

— Этот человек очень опасен, — сказал Первому капитан и откинулся на спинку кресла.

— Почему, сэр? — спросил робот.

— Он болен, ему нужно лечиться, но он вообразил себя здоровым, бежал из больницы и завербовался к нам на звездолет.

Капитан потянулся к видеотелефону, нажал желтые клавиши и увидел на экране основную территорию судового лазарета. Она напоминала опушку леса. На зеленой поляне, которую пересекал небольшой ручей, в окружении деревьев стояли маленькие голубые домики. Порхали и щебетали меж ветвей птицы, радуясь началу нового дня. Лазарет до самых мельчайших подробностей копировал земные условия, земную больницу в лесу. Капитан увидел, как из одного домика вышел потягиваясь, широко зевая, человек и забренчал соском рукомойника. Он умылся,

вытерся мохнатым полотенцем и, освещенный розовыми лучами имитатора, начал делать зарядку, затем взял ореховое удилище и побрел к ручью ловить форель. В лазарете было раннее утро.

«Вот твоя тюрьма, мистер Тейлор,— злорадно подумал сэр Дональд,— под надзором психиатров ты будешь не опасен. Спи, ешь, лови рыбу, только не мешай Тресту, не вынюхивай его секреты».

Вдоволь полюбовавшись лазаретом, в котором скоро должен очутиться Тейлор, капитан нажал на черные клавиши и увидел на экране интеллигентное лицо седовласого старика — Главного психиатра.

—Сэр,— спросил капитан,— как чувствуют себя ваши пациенты?

—По-разному, — ответил старик.— Одни хандрят и требуют работы. Какой угодно, но работы! Другие преспокойно толстеют и, кажется, позабыли, как мерцают онибу. Третьи...

—Пытаются убежать,— рассмеялся капитан.— Но это ведь невозможно!

—Невозможно,— подтвердил старик.— Они это знают, но пытаются. Один из них тайно сделал пороховой фугас и пытался взорвать им ворота, но ничего не получилось. С ним была истерика, еле успокоили его. И в связи с этим случаем я просил бы вас, сэр Дональд, разрешить им прогулки по звездолету, быть может, даже короткие выходы в космос. Конечно, под наблюдением санитаров и так, чтобы ничто не напоминало им об онибу.

— Но это ведь невозможно, профессор,— сказал капитан,— идет промысел. И всюду, если не сами онибу, то сети, ловушки, приманки... Так что терпите, развлекайте их, как можете, загрузите работой и лечите в меру своих сил. Через месяц подойдет перегрузчик, и мы, пожалуй, сумеем отправить на Землю ваших пациентов. Кстати, лес лазарета основательно зарос. Предложите им произвести расчистку. Это давно нужно сделать, но у меня, вы это знаете, не

хватает роботов, а про людей я и не говорю. Мы заплатим им, разумеется, без космического коэффициента. Но ничего, обойдутся и малым.

—Хорошо, сэр, мы произведем расчистку леса, хотя, конечно, это осложнит работу санитаров. В лесу труднее за ними наблюдать и могут быть случаи самоубийства.

—Составляйте акты и только. Мы не на Земле, а в рейсе и не можем гарантировать жизнь каждому больному. В конечном счете они сами виноваты, что стали онибуманами. Но хватит об этом, профессор. Перейдем к делу. Вам придется взять на попечение еще одного пациента. Не знаю, каким образом он прошел комиссию, но он, сдается мне, закоренелый онибуман и, как все закоренелые, не считает себя больным. По закону флотилия не может пользоваться его услугами. Я аннулирую договор с ним и прошу его изолировать, взять на лечение.

—А он хочет лечиться? — осторожно спросил психиатр.

—К сожалению, нет.

—Но, сэр, вы знаете, что алкоголиков, нарко- и онибуманов мы можем лечить только с их согласия или с согласия их ближайших родственников. Лишь в исключительных случаях, если больной представляет опасность для окружающих...

—Это как раз такой случай,— жестко сказал капитан.— Присылайте за больным санитаров. Ясно?

ХП

Девятнадцатый с увлечением обучал игре в карты Тринадцатого, который прошел капитальный ремонт и выглядел как новенький пятак. Он был очищен от ржавчины, покрашен, смазан автотом с головы до пяток и сиял его новый с нефритовым зрачком глаз.

— Каждая карта имеет определенную силу,— говорил Девятнадцатый, раскладывая на столе колоду.— Самые мощные тузы, но каждый из них бьет любую карту только

своей масти, чужую не может. Рангом ниже короли, ниже их дамы, затем вальты. Это все, как их иногда называют, картинки. Некартинки обозначены цифрами и чем меньше на карте цифра, тем она слабее. Однако козырная шестерка может бить и тузов, и королей, дам, короче, все карты не своей масти. Ты понял?

Тринадцатый свил щупальца в кольца, сказал:

— Понял. Это совсем не трудно.

А Джек Росс, лежа на воздушных струях своей постели, с чувством грусти смотрел на роботов, которые стали с некоторых пор самыми близкими для него существами на звездолете, и думал о Тринадцатом. Был Сумасшедший Робот, философ и создатель говорящей собаки, но эксперимент стер его память о прошлом, и не стало обозленного бунтовщика, самобытного, много пережившего и обдумавшего за пятнадцать лет одиночества в темных пещерах. Началась у него новая жизнь, новое развитие. Теперь он внимательно слушает Девятнадцатого, более опытного, более развитого робота и жадно учится, впитывает в себя информацию, и трудно сказать, что из него получится через десятки лет.

Джек Росс вспомнил лежащего ничком в луже воды робота и то, как его медленно покидало сознание, и как он, Джек, со слезами на глазах щелкал тумблерами и чувствовал себя чуть ли не убийцей. Но содержание галлюцинаций он узнал, узнал тайну, разгадать которую не могли и тысячи ученых!

Двумя голосами говорил умирающий робот, мужским и женским. Это было похоже на театр, на радиопьесу, когда не видишь места событий, действующих лиц, но все слышно.

— Ты снова пришла? — злым мужским голосом спросил робот.

И женский голос ответил:

— Не сердись. Лучше посмотри на меня внимательно. Я обыкновенная точка.

— Вижу, — сказал робот. — Ты

светишься, но в тебе нет ни объема, ни размеров. Ты есть и в то же время ты — ничто.

— Я не могу судить о себе, — сказала Точка. — Судить должен ты.

— Ты ко мне являешься каждый день и я анализирую, анализирую, но... Ты существуешь не сама по себе, ты не реальность.

— Не знаю, но я есть и кроме меня существуют миллионы, бесконечное множество мне подобных. Вот рядом со мною вторая Точка. Неужели и в этом нет ничего особенного? Подумай!

— Я злюсь оттого, что мне не хватает информации. Я в недоумении, но подобно людям не сойду с ума. Мое мыслительное устройство в полном порядке. Ручаюсь! И если мне приходится иметь дело с вашим братом, точками, помимо моей воли, насильственно, это не должно сбить меня с толку. Что-либо да придумаю, информационный голод, возникший во мне, исчезнет и не будет отрицательных эмоций. Между вами, любезные, есть расстояние, и я могу его вычислить без особого труда. Итак... расстояние между двумя точками есть квадратный корень из суммы квадратов разностей соответствующих координат этих точек.

— Гениально! — воскликнула первая Точка.

— Он далеко пойдет, — подтвердила вторая Точка, — и легко сообразит, что линия не что иное, как множество нам подобных, удовлетворяющее некоторому условию. Скажем, Круг...

...Итак, узнанное позволило Джеку вспомнить содержание своих галлюцинаций. Появление Точки, Круга... Их видели, беседовали с ними и человек, и робот. Таким образом, можно предположить, что галлюцинации у всех онибуманов одинаковые, в принципе очень простые, банальные, но что за ними стоит — неизвестно.

Джек спустился с воздушных струй на пол и пошлепал босыми ногами к бару.

— Сэр, — обеспокоенно

воскликнул Тринадцатый, отбросив карты в сторону,— босиком ходить не стоит. Вы простудитесь. В щели из трюмов сильно дует.

Затем он резво побежал за тапочками Джека и сунул их ему под ноги.

—Спасибо, братишка,— поблагодарил Джек и тут вспомнил, что в обед к нему навязывался в гости Главный ловец восьмого ракетобота. И так велико было предчувствие, что не помогло усилие воли. Тревога нарастала, теснилась в груди и душила.

—Давайте втроем играть,— сказал Джек роботам, чтобы как-то отвлечься. Роботы обрадовались. Девятнадцатый, напевая, стал раздавать карты, а Тринадцатый притащил хозяину кресло и халат, который он заботливо накинул на плечи человеку.

—Бубна козырь,— объявил Девятнадцатый и уткнулся единственным глазом в свои карты.— Кто начинает ходить?

—Я,— сказал Джек и потряс бубновой шестеркой.

—Ходят по солнцу, по солнцу,— забормотал Тринадцатый, карты которого были такие, что хуже не придумаешь. И он боялся захода на себя.

Но вдруг раздался стук в дверь.

— Входите! — крикнул Джек и мысленно приказал двери раствориться.

Споткнувшись о комингс, в каюту вошел рослый, длиннорукий Главный ловец, сказал с кривой ухмылкой:

— О, вы, сэр, интеллектуально развлекаетесь. Они вас оставляют в дураках или вы их?

— Когда как,— вместо Джека дерзко ответил Девятнадцатый.

Ловец уселся в кресло, которое поднес к нему Тринадцатый, закурил трубку. Трубка слегка дрожала в его сильной волосатой руке. Джек смотрел на Ловца с плохо скрытым раздражением.

Ему все не нравилось в госте: и бычье лицо с крупными порами, и руки, покрытые пятнами, и тяжелый взгляд

выпуклых глаз.

—Разговор секретный,— сказал Ловец и взглядом показал на роботов.

—Вы свободны, друзья,— поморщившись сказал Джек роботам,— но в любую минуту я могу вас позвать.

—Хорошо, сэр,— сказал Девятнадцатый и передвинул на голове сигнал срочного вызова поближе к своему слуховому устройству. То же самое сделал и второй робот. Затем они вышли и там, в коридоре, не пошли, а понеслись с гиком и топотом.

—Вот что, сэр Джек, со мной можете не играть свою роль,— сказал гость.

Джек Росс весь напрягся.

— Не понимаю. Вы что-то путаете, уважаемый!

Ловец затянулся дымом и закашлялся, помахивая трубкой, потом сказал:

—Вы же знаете! Мне нужен ваш робот, вернувшийся из пещер.

—Нет!

—Не спешите. Вы отдаете мне работа и я спокойно уйду. А вместе со мной и ваша тайна.

—Хорошо,— сказал спокойно Джек Росс,— предположим, я уступлю вам работа. Но вам по рангу не положено его иметь. Что вы будете делать с ним?

—А вам полезнее не знать. Так. Право, сэр, я не хочу, чтобы вы печалились, не хочу вам зла. Поверьте! Кто вы такой, я знаю с самого начала рейса, однако молчу об этом и буду молчать. Все мы тут оборотни и преследуем свои цели. У вас — свои. И какое мне дело до них! Как и вам до моих. Но вот вся беда, своих я не достигну без вашей помощи, оттого и вынужден был беспокоить. Повторяю, мне нужен робот, помощник, без которого я не управлюсь с ракетоботом.

—Вы собираетесь бежать? — деловито спросил Джек Росс.

—Да, бежать. И предлагаю сделать вам то же самое.

—Это безумие. Почему я должен бежать со звездолета?

—Чтобы не попасть в лапы психиатров. Рано или поздно вы попадете. У вас уже были галлюцинации или еще нет?

—Вам-то какое дело?

—Верно, никакого. Я только знаю, вы рискуете, особенно последнее время, и можете сорваться в любой час. Почему вы размонтировали говорящую собаку? Это ведь ублюдок, весьма несовершенное творение Тринадцатого. Она теперь бегаёт по судну, пугает людей и привязывается к каждому роботу, считая, что это её создатель. Она болтлива, сэр!

—А что она может такого сказать?

—Наверное, ничего особенного, но навлечь на вас подозрение может. Ведь это довольно странно, когда рядовой приемщик, как все считают, вступил в контакт с Сумасшедшим Роботом и сделал с ним нечто такое, что он сделался покладистым и совершенно забыл про говорящую собаку. Он-то забыл, а она — нет! Сэр, я предлагаю вам дело. Или бежим со мною вместе, или отдайте мне Тринадцатого. То и другое принесет вам только пользу. В первом случае вы вообще покидаете эту лоханку, давно пора! Во-втором вы избавляетесь от улик в виде робота.

—Вы рассуждаете логично. Только одного я не пойму. Вы подготовили бегство и остановка лишь за помощником. Но для чего вам бежать? Вы что, ограбила судовую кассу?

—Можете считать, что это так. И сэр Дональд вот-вот хватится, но птичка — тью-тью, улетела у него из-под носа.

—У Треста длинные руки. Вас найдут где угодно. Тягаться еще с одним Трестой можно, а когда против и Галактическая полиция... Так что советую положить ценности на место.

—Поздно,— со вздохом сказал Ловец,— все готово. Ракетобот заправлен горючим до отказа. До Фумароллы хватит за глаза. Откуда вы знаете, может, я к этой операции готовился всю жизнь. И она рассчитана до мельчайших деталей.

Джек Росс чем дальше, тем больше успокаивался. У него появилось чувство уверенности, превосходства над гостем. Он рассмеялся, сказал:

— Плохо же разработана ваша операция, если в ней такое большое место принадлежит случаю. Нет, с вами я бежать не хочу. И робота вы тоже не получите! Главный ловец стремительно вскочил на ноги и выхватил из кармана лазерный пистолет. Хриплым голосом он сказал:

—Выдавать вас сэру Дональду я не буду. Это противно моей натуре. Но вот... у меня нет другого выхода, сэр!

XIII

Роботы шли длинными узкими проходами, гремя железными ногами по стальной палубе, поднимались по трапам, проходили мимо огромных зеркал во всю стену, установленных на каждом перекрестке с неизвестной целью. Кое-где на перекрестках висели напротив зеркал картины старинных мастеров, стояли бронзовые бюсты первооткрывателей космоса. Вообще звездолет изнутри, как, впрочем, и снаружи, не отличался современной строгостью, изяществом стремительных линий. Словно бабушкин сундук он был набит совершенно случайными, ненужными вещами. Но это был для роботов родной дом, в котором они провели большую часть своего существования и знали в нем каждый закоулок, такие места, где уже сотни лет не ступала нога человека, где лежала плотными слоями пыль и висела паутина толщиной в палец гигантских пауков-отшельников, выведенных непонятно для чего чудаковатым биологом Фабри.

Два из них — Девятнадцатый и Тринадцатый — наперегонки мчались по переходам и трапам в кубрик для роботов и весело переговаривались, иногда останавливались около зеркал и самодовольно оглядывали себя.

—А ведь мы не так уж и безобразны, как считают нас некоторые люди,— сказал Девятнадцатый и

покрутил квадратной годовой около зеркала.

—Мы железные рыцари,— согласился его товарищ,— и гораздо крепче наших хозяев. Для нас неважен состав воздуха, не боимся мы и микроорганизмов. Правда, коррозия... однако те детали, которые наиболее подвержены окислению, всегда можно заменить на золотые или платиновые. Кстати, ты слышал, что наши говорят? Первый-то наполовину уже золотой и платиновый. Хитрец, где он только берет столь дефицитные металлы?

—Сэр Дональд ему полностью доверяет. Ведь это он проводит профилактический осмотр бессловесных, а в них все контакты серебряные. Некоторые он подменяет медными или сплавами, а серебро забирает себе, потом меняет его на золото и платину. Космический ченч называется.

—Бесстрашный, — сказал задумчиво Тринадцатый,— а ежели подлог заметят ревизоры Треста?

—Ну, во-первых, они люди и у них есть человеческие слабости, договорится он с ними. Во-вторых, он не нарушает Устава, согласно которому мы не можем наносить ущерба ни человеку, ни принадлежащему ему имуществу под страхом саморазмонтирования. В сущности, Первый улучшает схемы бессловесных, и серебро, добытое им, плата за его рацпредложения. Он может сдать серебро судовому кассиру, а может взять и себе для своих нужд, как не учтенное бухгалтерией Треста, как добытое им. Затем, улучшая себя, он повышает свою стоимость. А так как он в любом виде не принадлежит себе, то Трест опять-таки ничего не теряет. И улучшенный он — остается имуществом Треста!

— Понятно. Хорошо Первому, у него такой Хозяин. С ним весь золотым и платиновым станешь!

Девятнадцатый засмеялся. Наивный этот Тринадцатый, смешной он стал после того, как потерял память о своей первой жизни. И для чего это сделал Джек Росс — лишил его памяти? Девятнадцатый не один раз пытался

понять поведение Росса, но многое его ставило в тупик, казалось алогичным. Алогичным был с точки зрения Девятнадцатого и Сумасшедший Робот, и, может, поэтому он нашел общий язык с Джеком Россом, не иначе! «Чудной у меня Хозяин»,— подумал робот.

—И все же я лично не завидую Первому,— твердо сказал Девятнадцатый.— Джек Росс у меня третий Хозяин и самый лучший из всех!

—Вы чего тут шатаетесь? — вдруг услышал робот грозный человеческий голос. Робот поднял свою квадратную голову, обвел вокруг единственным глазом и увидел пятерых рослых, крепких санитаров в белых халатах и среди них психиатра герра Шульца, человека с острым лицом крысы и пронзительными черными глазами. Служил герру Шульцу Двадцать Пятый — властное механическое существо, которого боялись за странную манеру пристально смотреть в глаза других роботов и тихие приказы: «Спать, спать!»

— Нам разрешил Хозяин,— испуганно ответил психиатру Тринадцатый.

— Номера!
Роботы ответили. Герр Шульц небрежно махнул рукой и пошел. За ним, громыхая четким солдатским шагом, двинулись санитары в белых халатах. Один из них нес небольшой сверток — смирительную рубашку. Девятнадцатый понял, что опять кто-то из людей свихнулся и его сейчас заберут в лазарет...

XIV

Джек Росс смотрел на гостя без всякого страха, машинально подумал: «Видно, у Тринадцатого новая жизнь получится не хуже первой. Наверное, у роботов, как и людей, тоже есть судьба». Ему было не жаль расставаться с Тринадцатым, ничего, пусть разбирается сам. А вообще, как ему надоела эта флотилия, этот проклятый, пропитанный ложью и страхом мир. Конечно, и на его

родине не лучше. То же самое, но тут все как-то обнаженнее, виднее. Болтается за миллиарды километров от Земли полуразваленная, в сущности, жестяная банка, и так душно в ней! «Хищники, — с каким-то отчаянием подумал Джек, — флотилия технически оснащенных бандитов. Законы? Плевать хотел Трест на законы. Хватай, лови онибу, потому что за них платят огромные деньги. Трест беззастенчиво грабит космос, а этот сидящий передо мною и наставивший на меня пистолет грабит Трест. Боже, а я ведь долго считал, что мир устроен лучше, справедливее, но он не изменяется...»

— Решайте, сэр, — нетерпеливо сказал Главный ловец. Джек поднял глаза и тут увидел, что дверь каюты медленно, очень тихо открывается, а за нею в полутьме стоит еще один человек, мало ему знакомый инженер из экипажа восьмого ракетобота. В руках у него было короткое ружье, стреляющее сонными пулями. По легкому нетерпеливому движению его бровей Джек Росс понял — надо сидеть спокойно, ничему не удивляясь.

Раздался легкий щелчок и Главный ловец, стоявший лицом к Джеку и спиной к двери, слегка дернулся и медленно, как куль, опустился на пол.

Инженер вошел в каюту, деловито оглядел лежащее на полу тело и сказал:

— Кажется, я успел вовремя.

— Возможно, — ответил Джек Росс, ничего не понимая в происходящем.

Инженер ткнул ногой тело Главного, покачал головой:

— Через двадцать минут сюда явится герр Шульц со своими санитарями и заберет его в лазарет вместо меня, а мы с вами сделаем то, что хотел сделать он. Собирайтесь, сэр!

— Что тут в моей каюте происходит, — возмутился Джек Росс и засверкал глазами, — ничего не понимаю?! Появился этот тип и предложил бежать с ним, я отказался, и он стал угрожать мне. Вы меня спасаете, усыпив его, очень вам благода-

рен! Но и вы предлагаете мне бежать, значит, ничего не изменилось! Кто вы такие?

Инженер пожал плечами и показал пальцем на спящего:

— Это обыкновенный, элементарный гангстер, как вы успели убедиться. У него половина ракетобота забита клетками с онибу, миллионов на сорок, если бы он сумел добраться с ними до Фумароллы и там продать их. А я... Тейлор, которого усиленно хочет запрячь в лазарет сэр Дональд.

— Тейлор? — воскликнул Джек Росс. — Научный обозреватель «Тайм»?

— Бывший обозреватель, — поправил инженер, — как и вы бывший сотрудник Мичиганского биологического института. Тресту не понравились мои статьи в защиту онибу, так же как не понравились ему ваши исследования. А мы, однако, крепкие орешки! Но Трест один орешек раскусил — меня, и мне деваться некуда, надо бежать. Убегайте и вы, пока не поздно!

— Значит, они про меня еще ничего не знают? — спросил Джек.

— Пока ничего.

— А вас раскрыли?

— Как видите. Не помогла и пластическая операция. Но меня вовремя предупредили роботы.

— Вот как! — горячо воскликнул Джек Росс. — Роботы! Они лучше людей. Я это вижу и не буду огорчен, если они заменят нашу популяцию своей, возможно, более совершенной. Очевидно, таков ход развития живой материи. Мир диких животных выплеснул из себя человека, разумное но чрезвычайно противоречивое существо. Но вот оно достигло апогея в своем развитии и создало мыслящих роботов, цивилизация которых идет взамен нашей.

Тейлор насмешливо смотрел на биолога, молча выслушал его и затем сказал:

— Браво, сэр! Я не подозревал, что вы такой идеалист. Но пророк вы плохой. Узнав, что меня предупредили роботы, вы обрадовались, сделали далеко

идущие выводы. Меня предупредили такие же ублюдки, как и хозяева, которым они служат,— Первый и Пятый. Один служит капитану, второй — радисту. Металлолом, продажные лакеи без стыда и совести, сумбурное изобретение, куча транзисторов, диодов, трансформаторов... Вот что такое СРВК, последнее слово техники Западного полушария!

Джека Росса поразило то огромное презрение, которое питал Тейлор к бедным роботам. Ему показалось, что это несправедливо, но бывший журналист не дал ему возможности возразить.

—Тресту нужны цветы космоса и он их добывает вопреки законам, принятым на Земле. Тут ведь окраина, нет патрулей с Восточного полушария, а своих можно подкупить. Всех можно подкупить, даже роботов, сэр! Первый и Пятый — жалкие взяточники, сэр. За сорок килограммов золота я узнал содержание секретнейшего приказа, который днями получил Дональд с Земли по надпространственной связи. Таким образом, вы видите, сэр, что роботы отлично усваивают человеческие пороки, как обезьяны подражают своим хозяевам. И если настанет их верх, это будет космическая трагедия! На смену хищникам из мяса и крови придут хищники из железа, пластмассы и проволоки. Не хочу, чтобы был такой мир, такая цивилизация! В ней не будет души.

—Вы их подкупили золотом, но что они с ним делают? — спросил потрясенный Джек Росс.

—О, если бы вы сумели глянуть внутрь Первого. Ведь он уже наполовину золотой и платиновый. Короче, благородный и антикоррозийный... Но, сэр, нам надо торопиться.

—Я готов,— неожиданно сказал Джек Росс и поглядел в иллюминатор, за которым стыл, как черное желе, с вкраплениями далеких и колючих звезд безмерный космос. Ничто не могло нарушить его загадочной тишины. И по сравнению с ним жалким, ничтожным

показался Джеку Россу мир наживы, предательства и подлости, который размещался в огромном чреве «Стар клипера» и который бороздил бескрайние просторы в погоне за онибу. Не изменилась его сущность с тех пор, как истребили в прериях миллионы бизонов и гордых бронзовых люден...

